

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Великий старик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Великий старик / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-99021-9

ISBN 978-5-519-99021-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ

РОМАНЪ

Вас. Ив. Немировича-Данченко

ИЗДАНИЕ

Спб. Акціонернаго Общества «Издатель»

Невскій проспектъ, 68—40.

1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1898 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. «Издатель», Ковенскій, 14.

I.

Онъ въ послѣдній разъ махнулъ шляпой въ окно вагона и откинулся, устало закрывая глаза.. Ему все это было такъ знакомо,—давно знакомо! Оглядываясь назадъ на оставшіеся тамъ десятки лѣтъ шумной и безпокойной жизни, онъ, кажется, только и видитъ, что океанъ восторженно настроенныхъ людей. Ураганъ рукоплесканій, милліоны глазъ, устремленныхъ на него, милліоны рукъ, хлопающихъ ему. Онъ—средоточіе всего, ему даже порою кажется—да полно, есть-ли еще другой міръ за пыльными кулисами сцены? Чему быть за стѣнами театра, гдѣ онъ является единственнымъ властителемъ и душъ, и образовъ, которыми живутъ другіе?.. Эти другіе всѣ на одно лицо. Онъ уже пересталъ отличать ихъ. Будто общій фонъ, — и на немъ только его фигура на зло годамъ — мощная и красивая.. Тяжкое время искуса: первыя и мучительныя родовыя потуги великаго актера, нищета, оскорб-

ленное самолюбіе, зависть къ чужому успѣху, сознаніе своего таланта и ничтожества болѣе счастливыхъ соперниковъ, боль отъ уколовъ невѣждъ, говорившихъ о немъ въ печати, невниманіе толпы, высокоомѣрно не замѣчавшей его, когда скромный и даже робкій онъ проходилъ мимо, не подымая глазъ, — всего этого точно никогда не бывало. Между тѣмъ чистилищемъ искусства и настоящимъ царственнымъ успѣхомъ — бездна, за нею уже ничего не видать. Туманъ, и въ немъ что-то неопредѣленное. Въ него и всматриваться не хочется. Людямъ нужны герои и боги. Вторыхъ ролей какъ будто и нѣтъ, и старикъ давно и великодушно забылъ ихъ. Вѣдь онъ и самъ не отличалъ товарищей, съ которыми игралъ, отъ плотниковъ, потѣвшихъ надъ какимъ-нибудь блокомъ вверху. За нѣсколько десятковъ лѣтъ то же, что и вчера: ярко освѣщенная рампою сцена, направленные на него струи электрическаго свѣта, и подъ ними, точно въ ореолѣ, — онъ, геніальный, великій, несравненный, устало кланяющійся бушующему морю людей, кажется, только и существующихъ для того, чтобы чуть не къ самому небу поднять его порывами своего восторга. Вся остальная жизнь внѣ сцены — антрактъ, и только антрактъ. Его едва хватаетъ приготовиться къ новому успѣху, обдумать детали незнакомой роли,

группы, которыя такъ должны расположиться, чтобы онъ, такъ сказать, ихъ заканчивалъ, вѣнчалъ, царилъ надъ ними. Кто-то его упрекнулъ, что онъ окружаетъ себя бездарностями. Великій старикъ только улыбнулся. Вѣдь имъ именно заняты, его, и только его хотятъ видѣть... зачѣмъ же ему думать еще объ остальныхъ? Сверхъ того, въ высокоомѣрії онъ думалъ, что талантъ и ничтожество рядомъ съ нимъ будутъ одинаково малы. Чего же тутъ разбираться междуними. Да, вся жизнь, именно, антрактъ, часто необходимый, всегда скучный. Другимъ нужны общество, друзья, знакомые. Ему — ни того, ни другихъ, ни третьихъ. Они всѣ гдѣ-то внизу. На вершинѣ онъ одинъ, и какъ въ этомъ отношеніи онъ не былъ похожъ на тѣхъ, кто шелъ съ нимъ тою-же дорогой! Они отдыхали въ семьѣ, въ тѣсномъ кружкѣ поклонниковъ, съ любимой женщиной. Они искали людей — онъ тоже не бѣгалъ отъ нихъ, но и не замѣчалъ ихъ. Онъ строго блюлъ достоинство „короля на сценѣ“. Не то чтобы старался объ этомъ. Нисколько! Оно давалось ему само, наивно, непосредственно, безъ подготовки, безъ намѣренія. Когда онъ игралъ въ Римѣ и король пригласилъ его на большой вечеръ во дворецъ прочесть что-то, великій старикъ отвѣтилъ просто, самъ не придавая значенія своимъ словамъ, — такъ естественны они ему казались: „Если

его величеству угодно — онъ можетъ пожаловать въ театръ видѣть меня“. Мѣстный республиканскій союзъ пришелъ въ восторгъ и устроилъ ему настоящее торжество; слушая его представителей и ихъ рѣчи, великій старикъ никакъ не могъ сообразить — „чего это они, что онъ сдѣлалъ такого?“ И такъ и не понялъ, хотя держалъ себя съ величайшей самоувѣренностью. Онъ весь оказывался на своей высотѣ. Надо отдать ему справедливость. Для другихъ такихъ же была прелесть въ улыбкѣ женщины, въ крупныхъ цифрахъ накопленныхъ сбереженій, въ постройкѣ дворца, въ купленной картинѣ. Великій старикъ все имѣлъ и ничему не придавалъ значенія. Онъ видѣлъ, какъ красавицы кидались на вѣнокъ, который онъ швырялъ имъ, и разрывали бѣдные лавры въ клочки, храня ихъ потомъ, какъ реликвію. Ему случилось прежде бросать имъ платокъ, и тотъ ни разу не падалъ праздно на полъ. Его всегда подхватывали, — и самое наслажденіе красотою потеряло цѣну для гениальнаго актера. Оно ему доставалось слишкомъ легко и дешево. Онъ зналъ красоту на сценѣ, красоту идеальную въ созданіяхъ художниковъ, но между нею и этими „поклонницами“ не оказывалось ничего общаго. Деньги у него были. Онѣ какъ-то сами собою росли. Получалъ онъ много, тратилъ мало; именно потому

мало, что наслажденіе жизнью его не тянуло къ себѣ. Не на что было кидать золото, рѣкою лившееся въ его карманы. Обстановка „антракта“ мало его занимала — онъ слишкомъ сильно чувствовалъ на сценѣ. Жилъ на ней... Минутами, особенно въ послѣднее время (должно быть, въ этомъ и сказывалась старость); — онъ хотѣлъ только одного — тишины и неподвижности кругомъ. По-ложимъ не надолго. Онъ давно могъ бы уйти, — разъ даже на цѣлый мѣсяцъ онъ заперся въ виллѣ, окруженной ревнивою зеленью платановъ и магнолій. Но скоро въ тѣни ея благоговѣйныхъ кипарисовъ ему сдѣлалось жутко. Антрактъ длился слишкомъ. Пора было крикнуть: подавай занавѣсъ. Вѣдь за нею шумѣлъ опять-таки все тотъ же неразличимый океанъ. По этому океану къ нему, къ великому старику, восторгъ и обожаніе гнали волны настоящей жизни... Онъ теперь возвращался домой для такого же антракта, и умиленные лица провожавшихъ, мимо которыхъ медленно скользилъ поѣздъ, сливались для геніальнаго артиста въ мало интересную пестрядь. Въ послѣдній разъ махнувъ имъ шляпой, онъ откинулся назадъ, закрылъ глаза. Потомъ ему показалось не-пріятнымъ густое благоуханіе цвѣтовъ, наполнявшихъ его купэ. Онъ далъ отбѣхать поѣзду, наклонился, собралъ всѣ эти букеты

съ лентами и безъ лентъ въ одну охапку и швырнулъ на рельсы... Навстрѣчу шли другіе вагоны. Еще мгновеніе, и отъ пышныхъ, бѣдныхъ цвѣтовъ остались лохмотья.

II.

Разумѣется, счастье не сразу пришло къ нему. Если бы онъ хотѣлъ всмотрѣться сквозь туманъ его прошлаго въ первые годы борьбы, вспомнилъ бы, какъ ему достался неожиданный успѣхъ... Честолюбивый не по чину (на сцѣнѣ вѣдь своя іерархія — да еще какая; упаси Господи!) онъ до тѣхъ поръ только скрипѣлъ зубами, да зеленѣлъ и худѣлъ, слушая изъ-за кулисъ, какъ „тысячеголовое быдло“ вызываетъ въ сущности ничего не стоящаго премьера. Ему не разъ хотѣлось выйти и крикнуть „дурацкой“ публикѣ: кому вы аплодируете, кому? Вѣдь это жалкое ничтожество. Вѣдь въ немъ все краденое, чужое, рассчитанное на грубый и глупый эффе́ктъ. И когда тотъ, сіяющій, выбѣгалъ къ рампѣ, кланялся, прикладывалъ руки къ сердцу и, нарочно замедляя шаги, чтобы овація длилась и длилась, отступалъ въ его кулисы, — начинающему артисту такъ и хотѣлось со всего размаха ударить кулакомъ въ самое лицо лакированного болвана... И, вдругъ, импрессарио вбѣ-

жалъ какъ-то въ общую уборную, гдѣ одѣвались вторые артисты...

— Эй, Карлино...

Даже не считать нужнымъ назвать его по фамиліи...

— Эй, Карлино... Ты вѣдь на память знаешь „Отелло“?

— Да, а что?

— Ступай, живѣй одѣвайся...

— Куда, зачѣмъ?

— „Іеттатура“ *) и только... Некогда рассказывать... Сбортъ полный, а нашъ знаменитый Гоцци сейчасъ упалъ съ лѣстницы и вывихнулъ ногу. Ты съ нимъ одинаковаго роста... Только скорѣе, пожалуйста.

— Вы съ ума сошли... Какъ же я безъ репетиціи?..

— Душа моя... Сезонъ кончается. Сегодня предпоследній спектакль...

— Вѣдь меня освищутъ?

— Велика важность! Хуже, если я прогоню тебя. Куда ты дѣнешься?.. А у меня деньги вѣрныя. Да и что за артистъ, которому не свистали. Ты думаешь, великому Гоцци не доставалось? Еще какъ. Въ Неаполѣ его, какъ собаку, гнилыми апельсинами забросали... Я, милый мой, когда нанимаю актера, нисколько

*) Iettatura — заворожка, сглазъ, порча, паворожено, заколѣло..

не интересуюсь тѣмъ, гдѣ онъ имѣлъ успѣхъ. А вотъ скажи мнѣ, гдѣ тебя оштрафовали — да не потеряйся послѣ того, окончи представленье, тогда я съ тобою поговорю, значить, ты человѣкъ надежный, настоящій... Ну, Карлино, скорѣй... Я велю объявить объ этомъ, только не пугайся. Публика пошумитъ, не обращай вниманія. Нужно же ей доставить это удовольствіе... Важная вещь! Кто тебя знаетъ? Ну, осмистали Карлино, а ты перемѣнилъ фамилію и выскочилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ дождевой пузырь, какимъ-нибудь Франческо, Джузеппе, Джіованни. Мало, что-ли, святыхъ въ календарѣ? Бери какого хочешь...

И вылетѣлъ изъ уборной.

— Вотъ что, Карлино, — подошелъ старый актеръ, такъ и свѣковавшій на мелочахъ. — Мои тебѣ совѣтъ: откажись. Ты не памъ чета... Тебѣ случай пужень, и ты сдѣлаешь свой милліонъ. Но только не теперь... Увидишь, что такое публика. Вся она сейчасъ „съ ружьями въ рукахъ“. Опомнись не дасть. А довольно тебѣ потеряться, чтобы ужъ и не встать. И первый импрессарио, котораго ты хочешь выручить, не будетъ благодаренъ. Фіаско—всегда фіаско. Хозяину твоя участь нисколько не горька. Ему осмистагнаго актера не надо — хоть онъ и самъ его подъ поязъ подвелъ. Эти люди цѣнятъ одно — успѣхъ. Понимаешь—успѣхъ, купленный-ли, настоящій, имъ